

К 100-летию Б.Ф. Поршнева

Л.Б. Алаев

Московский институт международных отношений

Борис Федорович Поршнев как политэконом феодализма*

Теоретические работы Б.Ф. Поршнева по созданию политэкономической модели феодальной формации, может быть, не относятся к основным направлениям его творчества, но тем не менее составляют одну из важных его частей. По характеру своей работы я в наибольшей степени следил именно за этим направлением его работы и, можно даже сказать с некоторой натяжкой, сотрудничал с ним. Я не ставлю сегодня перед собой задачу в полной мере проанализировать его взгляды в этой области. Во-первых, это невозможно в кратком выступлении. Во-вторых, прямо надо сказать, эти взгляды в значительной степени сейчас «морально» устарели и представляют только историографический интерес. Но историографически это действительно увлекательная тема, которая может быть раскрыта только на фоне изучения общего состояния советской теоретической мысли в области истории в то время. Мое выступление будет носить в большей мере мемуарный характер.

Выход в свет монографии Б.Ф. Поршнева «Очерк политической экономии феодализма» в 1956 г. произвел на меня, тогда аспиранта, а затем младшего научного сотрудника без степени, сильное впечатление. Если политэкономия капитализма, как мне тогда казалось, была совершенно ясна (да, тогда казалось, что Марксов анализ капитализма — последнее и уже непреодолимое слово науки), политэкономия социализма оставалась крайне сырой, но сохранялась надежда, что толпы советских политэкономов, набросившихся на эту дисциплину после работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», справятся наконец с этой задачей, то модели феодализма и рабовладения оставались крайне туманными.

Я работал над проблемой сельской общины в Индии и понял к тому времени, что строй общины зависит не от нее, а от устройства общества в целом, и вынужден был задумываться над тем, какой строй существовал в Индии в средние века. Советские востоковеды в то время считали, что этот строй можно назвать «восточным феодализмом», однако концепция «восточного феодализма» была не разработана. В какой степени этот строй сходен с феодализмом, который, по определению, существовал в Западной Европе в средние века?

Я прочел книжку Поршнева, что называется, с карандашом в руках. Подкупала логичность мысли. Я увидел, что автор, выдвигая те или иные постулаты,

* Выступление на конференции памяти Б.Ф. Поршнева (1905–1972) в Российском государственном гуманитарном университете (Москва, апрель 2005).

Алаев Леонид Борисович, профессор кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России; главный научный сотрудник Института Востоковедения РАН, известный российский индолог. Автор около 200 научных работ. Вице-президент общества востоковедов РАН. В недавнем прошлом главный редактор журнала «Восток».

затем им уже не противоречит. (Это довольно распространенный грех тогдашних теоретических сочинений — наличие противоречий в собственных построениях. Этот грех был, если можно так выразиться, «объективным». Большой частью автору надо было «доказать», что его мысли не противоречат Марксу и Энгельсу именно тогда, когда они им противоречили. Кроме того, надо было доказать, что мысли Маркса вековой давности не противоречат современной реальности.)

В данной книге такого недостатка не было. Даже те положения, с которыми я был не согласен, не просто высказывались, а логично вытекали из общей концепции. Но несогласий было несколько, достаточно базовых. Сгоряча я даже написал рецензию на эту книгу. Хорошо, что не решился ее предложить какому-нибудь журналу опубликовать. (Рукопись я долго хранил, но потом отдал Екатерине Борисовне, дочери Б.Ф., которая хотела собрать и издать некий сборник, посвященный ее отцу. Книгу так и не издали, Катя уехала в США, и я потерял ее след.)

Помню два основных возражения. Во-первых, я засомневался, что феодалы постоянно стремились повышать феодальную ренту, и, если бы не классовая борьба крестьян, они низвели бы крестьян до положения рабов. Требуется напомнить, что уже упоминавшийся последний из «фундаментальных» трудов И.В. Сталина вышел в 1952 г. и наделал большой переполох не только среди тех, кому он был непосредственно предназначен, а именно политэкономов, но и, в частности, среди медиевистов. Среди прочего там содержалось утверждение, что основой феодализма является феодальная собственность на землю. Спорить было нельзя, но это утверждение ставило под удар все то, что было написано советскими медиевистами относительно роли разного рода личностных отношений, зависимостей и проч. Срочно стали выходить статьи, где эта свежая мысль всячески обыгрывалась и подтверждалась. Но это было еще полбеды.

В той же работе Сталин сформулировал «основные законы» капитализма и социализма. Медиевисты поняли это как социальный заказ на выработку «основного закона» также и феодализма. Первым отреагировал Б.Ф. (Вопросы истории. М., 1953. №6). В следующем году на страницах журнала развернулась оживленная дискуссия. Она достойна отдельного историографического исследования как показатель уровня советской медиевистики в то время. Нас пока интересует то, что Б.Ф. выдвинул в качестве «основного закона» феодализма «закон феодальной ренты», которая будто бы имела тенденцию постоянно расти и всегда охватывала весь прибавочный продукт. Даже тогда, когда оставляла у крестьянина средства для развития хозяйства. Мне казалось, что сам факт прогрессивного развития Западной Европы в средние века подразумевает, что феодальная рента, по крайней мере, не всегда изымала весь прибавочный продукт.

Во-вторых, меня не устраивала попытка Б.Ф. доказать, что средневековый город был столь же феодален, как и деревня. Я решил «выйти» на Поршнева и «серьезно поговорить». Составил четыре вопроса, на которые хотел получить ответы, и переправил их Б.Ф., наверное, через ту же Катю. Пригласил его прийти в Институт востоковедения и встретиться с нашими медиевистами. Он не только согласился, но и предложил провести несколько встреч (по числу вопросов). И мы провели четыре семинара с его участием, на которых стремились, каждый на своем материале, оспорить некоторые догмы, которые сложились в отношении Востока в российском гуманитарном сознании.

Его цель была ясна, и он ее не скрывал. Он хотел получить материал, чтобы использовать его при переиздании своей книги. Мы, в основной массе очень молодые научные сотрудники, выступали, критикуя отдельные положения книги, утверждая, что некоторые ее пассажи «к Востоку не относятся». Имея в виду,

что без учета особенностей Востока не может быть «политэкономии феодализма». Приводили конкретный материал. А он сидел тихо и записывал.

Без сомнения, он что-то получил от наших встреч. В следующую книгу по этой тематике «Феодализм и народные массы» (М., 1964) он включил текст 1956 г. с большими вставками по Востоку. Правда, то, что мы говорили, он понял по-своему, переинтерпретировал, концептуально изменив. Так что нельзя сказать, что Поршневу просто использовал чужой материал, выдал чужой материал за свой. Но мы сумели, видимо, подтвердить его понимание феодальной собственности как монополии класса феодалов на землю, из чего он сделал вывод, что наиболее политэкономически «чистый» феодализм существовал на Востоке, когда там господствовала государственная собственность на землю (Феодализм... С. 40). Но и нам это дало немало. С этих встреч начался «Семинар по феодализму», который работал потом лет 25 и был, по отзывам, центром теоретической мысли в институте.

Чтобы представить себе место Б.Ф. Поршнева в разработке проблем феодализма в частности и исторического материализма в целом, необходимо хотя бы кратко остановиться на состоянии нашей теоретической мысли в то время. Советская наука имела как сильные, так и слабые стороны, причем ее недостатки являлись продолжением ее достоинств, а достижения часто смазывались из-за влияния на нее внеученных факторов. Это была именно наука, т.е. искренние поиски объективной истины, и в то же время каждый советский ученый более или менее осознавал, что его поиски не могут выходить за определенные рамки, установленные господствующей идеологией, или, еще более конкретно, — постановлениями руководящих органов.

Как уживались поиски истины и жесткие методологические схемы? Советский гуманистический мыслил — и в этом смысле был свободен; он же был зашорен рядом аксиом — и не воспринимал их в качестве шор. После XX съезда шаг вправо и шаг влево уже не считались побегом, всего только выходом из строя, за который полагалось некоторое наказание, но уже не расстрел. Более того, даже несколько шагов в сторону можно было сделать без особых последствий, в худшем случае приобретя репутацию «путаника» и статус «невъездного». Но все мы кожей чувствовали, что нашу расширяющуюся дорогу с обеих сторон ограждают невидимые заборы, перепрыгнуть которые для большинства из нас было немыслимо.

Помню, как в юности мы много спорили, пытаясь применить марксистскую теорию к конкретным историческим исследованиям. И если мысль коллеги казалась нам неправильной, мы выносили вердикт: «Нет, это не марксизм!». И рассуждения в данном направлении прекращались как явно бессмысленные.

Мы выдвигали новые идеи на основе фактического материала — и в то же время «на основе» цитат из «классиков». Сейчас, когда цитата основоположников единственно правильного учения никого не может убедить, основанный на ней вывод порой кажется смешным. И все же в нашем «коридоре возможностей» было сделано много такого, за что не стыдно и что останется.

Господствовал так называемый «советский марксизм». По моему мнению, это вполне определенное понятие, которое может быть точно очерчено. «Советский марксизм» отличался от классического тем, что собственно марксистские постулаты были догматизированы, была предписана «единственно правильная» схема формаций (самый яркий пример — конструирование единой для всех народов рабовладельческой формации), благотворность насилия в истории стала пониматься как абсолютная. По сути, мы усваивали не марксизм, а цитатник из произведений Маркса, Энгельса, Ленина, любезно подобранный для нас Сталиным.

Немаловажное значение имела ситуация в научном сообществе. Руководящее положение занимали люди, впитавшие марксизм в 30-е годы в его сталинском переложении и монополизировавшие это «единственно правильное» понимание марксизма. Любое иное понимание воспринималось ими как покушение на основы. Был, однако, и «творческий марксизм». Его представителей объединяло серьезное отношение к теории, стремление «достроить» исторический материализм. В этом они все противостояли тем, кто считал, что все ясно и нужно только повторять заученные формулы.

Установки «творческих марксистов» были разными. Одни просто хотели выйти за пределы цитатника, расширить теоретический инструментарий, скажем, опираясь на Маркса, ввести в схему формаций еще одну ступень — «азиатский способ производства».

Другие стремились именно «достроить» теорию, разработать те категории, которые считались основополагающими, но не получили подробного объяснения в трудах основоположников. Скажем, В.В. Крылов разработал понятие «производительные силы», введя в него, в частности, помимо «материальных» «духовные производительные силы». Л.В. Данилова столь же тщательно разработала понятие «производственные отношения». У нее получилось, что к производственным отношениям можно отнести все общественные отношения. И тот, и другая при этом вовсе не стремились опровергнуть марксизм или умалить его роль всеобъясняющей теории. Они опирались на цитаты из Маркса, который, конечно, был как мыслитель шире собственной теории. Но при таком подходе оказывалось, что категории и «производительные силы», и «производственные отношения» теряли роль исследовательского инструментария. Л.И. Рейснер, тоже найдя несколько подходящих цитат, попытался заменить категорию «способ производства» иной — «способ общения». В данном случае я уже не уверен, что Лев Игоревич не думал о том, как бы преодолеть марксизм.

Было и третье направление: развитие специфически марксистских постулатов. Это было развитие именно наиболее жестких постулатов, тех, которые отличали марксизм от других направлений прогрессивной (не побоюсь этого слова) исторической мысли Европы XIX в., в духе «Коммунистического манифеста»: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». К этому направлению «творческого марксизма» можно отнести Поршнева. Во всяком случае, от большинства современников его отличал поиск в марксистском подходе к истории. Направление было тупиковым, но оно сослужило свою службу, ярко высветив ограниченность узкоэкономического подхода и полной концентрации мысли на антагонизмах при изучении истории.

Остановлюсь еще на одном аспекте моего сотрудничества с Б.Ф., хотя это не относится к заявленной теме. Почти случайно я попал на доклад Б.Ф. «Мыслима ли история одной страны?». Развернутая в докладе картина и открывавшиеся при этом перспективы изучения истории человечества как единого целого меня поразили. Я выступил на обсуждении с поддержкой основной идеи докладчика и стал в дальнейшем думать о взаимосвязи всех явлений в истории народов на планете.

Через некоторое время Б.Ф. позвал меня в гости, попросив снабдить его кое-какими материалами по деканским султанатам XV–XVII вв. Я не совсем понимал, почему они его, собственно говоря, интересуют. Принес несколько индийских книжек по Бахманидам, Биджапуру и Голконде, довольно малоинформативных с моей точки зрения. И тут только я от него узнал, что на Декане среди мусульман преобладали шииты, в то время как в Делийском султанате и Могольской империи правили сунниты, и что деканские правители поддержи-

вали тесные связи с шиитским Ираном, получая оттуда кадры и коней для кавалерии, и это был серьезный фактор в тогдашних международных отношениях. Так шла его работа над созданием концепции всемирной истории. А я, индолог, почему-то никогда не задумывался о роли суннитов и шиитов в истории Индии и об истоках их противостояния на субконтиненте — не религиозных, а геополитических.

Примерно в то же время (1963) в США вышла книга W. McNeill «The Rise of the West»¹, в которой была изложена концепция «мировой истории». Мак-Нил стал лидером нового направления, издающего «The Journal of World History» в Гонолулу. Его представители рассматривают человечество как образующее «мировую систему» на протяжении, по крайней мере, последних 6 тысяч лет. В этом направлении Б.Ф. если не предвосхитил зарубежных коллег, то не отстал от них.

Таким образом, в моем становлении как научного работника Б.Ф. Поршневу сыграл заметную роль. И я уверен, что не одинок, и многие люди моего поколения могут сказать то же самое. Я не был его учеником и не находился под его влиянием. Скорее, мое становление происходило через отталкивание от его взглядов. Но это был интересный процесс взросления.

Summary

The work of the L. Alaev is devoted to one of the episodes of the life an outstanding soviet historian B.F. Porshnev.

---

¹ Издана в русском переводе: *Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества*. Киев; М., 2004.